

Лилис приняла ту золотую монету. Вещь лежала на ладони с удивительным ощущением: по весу она почти не отличалась от ходовых золотых монет, выпускаемых Федерацией Серебряного Прилива, но узор на ней был куда более замысловатым и сложным. Такая монета вовсе не походила на те вещи, которыми стали бы пользоваться одержимые жаждой эффективности торговцы. Чтобы получше рассмотреть предмет, Лилис даже достала свои профессиональные инструменты для оценки.

С виду это напоминало очки часовщика, только гораздо крупнее и с двумя окулярами — если надеть их на голову, они становились похожи на прибор ночного видения. Что до того, почему жена главы гильдии обычно владела подобным ремеслом, ответ был прост: конечно же, потому, что в самом начале основания гильдии не хватало всего на свете, и вместо того чтобы тратить деньги, проще было научиться всему самой.

Однако, видя, с какой серьезностью и сосредоточенностью к делу подошла ее жена (главарь), все присутствующие в комнате даже невольно затаили дыхание, а их взгляды устремились на белую ладонь Лилис. На лбу же Кэвина уже выступили мелкие капельки пота, пока он мысленно возносил молитвы.

Лилис повертела монету в пальцах, разглядывая ее со всех сторон, и не сразу заговорила. Будучи не просто оценщицей, но еще и полуэльфом, она обладала врожденной чуткостью к подобным артефактам, несенным дыханием древности.

Она поднесла монету ближе к глазам, и в ее красивых змеиных — нет, прекрасных глазах отразились сложные и изящные узоры с чеканки.

Там красовалось раскидистое исполинское дерево, крона которого почти полностью закрывала поверхность монеты, а жилки на каждом листочке были видны с невероятной четкостью.

Переплетенные корни, словно затаившиеся драконы, обвивали неведомые ей цветы. Узор дышал естественной гармонией и ритмом природы, и с ним не могли сравниться никакие чопорные грифоны и короны с современных императорских монетных дворов.

— Подобная техника литья... — тихо пробормотала Лилис, а подушечки ее пальцев легко скользнули по гладкому до невообразимости краю монеты.

— Мне еще не доводилось встречать такого на деньгах ни одного из существующих королевств.

В ее голове вихрем проносились знания и воспоминания об истории — те древние эльфийские династии, что давным-давно канули в лету времени, одна за другой мелькали перед взором.

Пожалуй, лишь в те легендарные Золотые века могли создавать столь поразительные изделия.

— Дорогая, ну как? Эта вещица... она... она ценная?

Голос Кэвина звучал хрипло, и в тоне грозного местного главы Гильдии Авантюристов сейчас сквозила едва заметная даже для него самого мольба.

Лилис отвела взгляд от монеты и посмотрела на полное надежды лицо мужа, ее глаза выражали сложное переплетение чувств.

— Если судить исключительно по содержанию золота, она чище стандартных имперских монет.

Ее слова прозвучали четко и холодно, и каждый слог ударил по сердцу Кэвина словно тяжелый молот.

— Даже если пересчитывать по стоимости чистого золота, одна такая монета стоит примерно как одна целая две десятых стандартных монет Федерации.

Лицо Кэвина мгновенно потеряло всякие краски.

Пятьдесят тысяч, умножить на одну целую две десятых... это же шестьдесят тысяч.

Ему показалось, что колени снова начинают подкашиваться, а взгляд невольно скользнул в сторону гладильной доски.

Однако следующие слова Лилис вновь подарили ему крохотный лучик надежды.

— Впрочем, поскольку это не ходовая валюта, в официальном обменном пункте с тебя возьмут огромную плату за оценку и комиссию. После всех вычетов и удержаний курс обмена составит где-то один к одному.

Сердце Кэвина, взлетевшее было к самому горлу, немного опустилось.

Один к одному — ладно, хорошо... Пусть ему все равно придется отрабатывать долг четыре поколения подряд, но в любом случае пятьдесят тысяч меньше шестидесяти, верно?

Ха, ха-ха, ха-ха-ха...

— Но...

Союз, произнесенный Лилис, вновь низверг его в Бездну.

Ее взгляд стал острым, словно она смотрела на безнадёжного глупца.

— Только идиот станет сдавать ее в обменный пункт.

Она подняла золотую монету к свету: золотистое сияние заструилось по ее поверхности, выглядя священно и завораживающе.

— Это древний артефакт, Кэвин. Произведение искусства, которое, возможно, происходит из какой-то затерянной эльфийской династии. Его историческая и коллекционная ценность намного превосходит ценность заключенного в нем золота.

Она обвела взглядом всех присутствующих в комнате и напоследок вонзила в сердце Кэвина фразу, острую как ледяной клинок.

— Если продать его коллекционерам, одержимым культурой древних эльфов, они с радостью выкупят его в десять или даже в двадцать раз дороже.

В десять раз...

В двадцатикратном размере...

В голове Кэвина гулко зазвенело, и мысли окончательно растворились в пустоте.

Сколько там будет пятьдесят тысяч, умноженные на десять?

Пятьсот тысяч?

Пять миллионов?

Он уже не мог сосчитать. Он знал лишь одно: вчерашним вечером под лунным светом он, возможно, пил вовсе не вино.

Он пропивал целые горы золота.

Во всей комнате Феннер широко раскрыла свои обычно полуприкрытые глаза и намертво впилась взглядом в ту самую монету в руке Лилис. Ее дыхание стало тяжелым, а во взгляде читалось уже не просто вожеление, а чистейшее паломничество.

Элиот же потрясенно смотрела на Люмину: эта отличница из семьи деревенского старосты впервые почувствовала, насколько скудны ее собственные познания.

Она просто не могла вообразить, что за существо способно использовать подобную вещь в качестве повседневной разменной монеты.

И лишь Балина продолжала склонять голову набок, с недоумением разглядывая главного интеллектуала их отряда, после чего тихо спросила:

— Элиот, почему у папочки лицо такое белое? Он заболел?

Тело Кэвина качнуло.

Он медленно, очень медленно опустился обратно на стул, и его мощная фигура словно лишилась всех костей и сил, превратившись в бесформенную обмякшую массу.

Его глаза потеряли фокус, рот слегка приоткрылся, но из горла не доносилось ни звука.

Весь его вид напоминал горстку бледного пепла, оставшегося после того, как догорели дрова — подуй ветер, и от него ничего не останется.

Ох, кажется, эта вещь куда ценнее, чем я думала. Я всего лишь хотела узнать уровень здешних цен.

Люмина с бесстрастным лицом наблюдала за происходящим, а ее внутренние ручонки в этот момент судорожно сжимались от нервов. Что же до полного отсутствия эмоций на лице, то оно объяснялось тем, что ее собственная щедрость превзошла все мыслимые границы, и она просто не представляла, какую мину теперь подобает соорудить.

Так как же мне теперь им все объяснить? Вообще-то таких монет у меня в сумке еще целая куча... вернее, еще еще сколько-то там есть.

Лилис отвела взгляд и тяжело вздохнула.

Глядя на выгоревшего дотла мужа, она в конце концов аккуратно положила монету обратно на стол и подвинула ее к Люмине.

— Прости уж, маленькая Люмина, это вино нам не по карману.

Люмина посмотрела на золотую монету.

Она не стала протягивать руку, а лишь кончиком пальца легонько толкнула ее назад.

— Ничего страшного.

Девушка-жрец мягко покачала головой, и ее лунно-белые длинные волосы плавной волной метнулись в воздухе.

— У меня таких монет еще много. Раз уж здесь их потратить нельзя, тогда, сестрица Лилис, у меня к вам будет просьба: помогите мне потом обменять их на что-нибудь ходовое.

Услышав это, на лице Лилис промелькнула едва уловимая тень изумления.

— А всё, что останется сверху, сойдет за комиссию за обмен. Если можно, сестрица Лилис, просто расскажите мне побольше о том, что происходит во внешнем мире, — продолжила Люмина, выражая свои намерения прямо и недвусмысленно.

— Я ведь долгое время провела в лесу.

— И совершенно ничего не знаю о внешнем мире.

Эти слова заставили взгляд Лилис стать еще глубже, и она принялась заново оценивать стоящую перед ней хрупкую девочку.

Мм, еще бы, я далеко не во всем невежественна.

Про себя жрица тихонько отпустила шутку.

Взгляд Лилис метался между золотой монетой и Люминой.

Она смотрела на спокойное, лишённое малейшей ряби личико девочки, чувствуя, как в груди поднимается невыразимая смесь эмоций.

Неужели этот ребенок настолько наивен, что понятия не имеет о ценности денег?

Или же настолько силен, что ему просто плевать на подобные мирские ценности?

Она размышляла.

Лилис машинально потеряла переносицу, чувствуя, что сегодняшние события уже вышли за рамки ее привычного восприятия. Эта миниатюрная жрица самым прямым и обескураживающим образом полностью перевернула все ее устоявшиеся представления.

— Ты... — снова начала Лилис, но тут же поняла, что перед лицом «денежного изобилия» Люмины любые слова звучат до обидного бледно и беспомощно.

Она хотела что-то сказать, но не находила подходящих слов.

Мм, сестрица Лилис, просто возьмите ее.

<http://bllate.org/book/18772/1819793>